

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.И. Садов

Очерк истории римской религии

Опубликовано:

Христианское чтение. 1896. № 7-8. С. 146-177.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Очеркъ исторіи римской религіи.

ВЪ РАЗНЫЕ періоды существованія римскаго государства религія римская, въ смыслѣ совокупности религіозныхъ представленій и ихъ выраженія во внѣшнемъ богопочтеніи, является не вполне одинаковою. Составляя всецѣло созданіе постоянно развивавшагося народнаго духа, который продолжалъ перерабатывать и умножать религіозное наслѣдіе, полученное римлянами отъ общихъ съ другими индоевропейскими народами арійскихъ предковъ, римская національная религія, одинаково со всѣми другими обнаруженіями духовной жизни римскаго народа, въ продолженіи многовѣковаго существованія Рима, подъ вліяніемъ условій этого существованія, подвергалась весьма многимъ измѣненіямъ и во внутреннемъ содержаніи и во внѣшнихъ формахъ культа. Измѣненія эти придали религіи римлянъ въ разные времена существованія римскаго государства нѣкоторыя особыя черты, настолько опредѣленныя и рельефныя, что, на основаніи ихъ, вся религіозная исторія римлянъ можетъ быть раздѣлена на нѣсколько періодовъ ¹⁾.

¹⁾ Нѣкоторыя детальныя изслѣдованія по этому предмету, вмѣстѣ съ общемо соприкосновенною литературою, будутъ указаны дальше въ своемъ мѣстѣ; изъ общихъ цѣльныхъ обзоровъ всей исторіи римской религіи здѣсь должны быть упомянуты: краткіе очерки ея въ брошюрѣ: *Religion und Philosophie bei den Römern*, von Zeller, 1872, и *Römische Mythologie* von Preller—Jordan, Bd. I 1881 S. 19—29, и посвященный тому же предмету обширный отдѣлъ въ фундаментальномъ изданіи *Röm. Staatsverwaltung*, von Marquardt, III B., besorgt von Wissowa, 1895, S. 5—119, также нѣкоторыя главы въ превосходномъ трудѣ Boissier *La religion Romaine* (въ русск.перев. подъ заглавіемъ: „Римская религія“ изд. въ 1878 г.) и отчасти въ изслѣдованіи проф. Бердниковъ: „Государственное положеніе религіи въ римско-византійской имперіи“, 1881; между сочиненіями, посвященными отдѣльнымъ эпохамъ въ религіозной исторіи Рима, пользуются извѣстностью: Ambrosch, *Studien und Anden-*

Первый періодъ начинается съ основанія римскаго государства. Богобоязненность, отличавшая римлянъ всегда, составляла ихъ характерную черту, повидимому, и въ это время. По крайней мѣрѣ нѣкоторые древніе писатели, говоря о религіозной настроенности римлянъ, имѣютъ въ виду, какъ кажется, вообще все древнѣйшее время существованія римскаго народа. Имѣлъ ли въ виду Саллюстій первыя времена Рима, когда говорилъ соотечественникамъ о *templa deorum, quae nostri maiores, religiosissimi mortales, fecere* ¹⁾, сказать съ увѣренностью нельзя, вѣлѣдствіе неизвѣстности того, относилось ли построеніе упоминаемыхъ имъ храмовъ именно къ первымъ временамъ существованія Рима; однако ничего неправдоподобнаго въ такомъ предположеніи нѣтъ. Весьма вѣроятно, что и Цицеронъ, въ своей извѣстной рѣчи по поводу заявленія гаруспиковъ, упоминая о благочестіи предковъ, разумѣлъ и древнѣйшихъ римлянъ ²⁾; равнымъ образомъ и Авлъ Геллій наблюдаемую у римлянъ тщательность въ соблюденіи требованій религіи относилъ, повидимому, и къ древнѣйшему времени ³⁾. Съ совершенной ясностью свидѣтельствовали о религіозности древнѣйшихъ римлянъ Титъ Ливій, когда, описывая религіозныя установленія царя Нумы, говорилъ, что постоянно присущая римлянамъ мысль о богахъ и сознаніе зависимости человѣческихъ дѣлъ отъ вмѣшательства божества наполняли сердца всѣхъ римлянъ благочестіемъ, такъ что римляне въ своихъ дѣлахъ прежде всего руководились нравственными правилами, страхъ же предъ законами и предъ законною карою имѣлъ у нихъ

---

tungen im Gebiet des altrömischen Bodens und Cultus, 1839; Крюковъ, О первоначальномъ различіи римскихъ патриціевъ и плебеевъ въ религіозномъ отношеніи, въ Пропіеяхъ, кн. IV, (на нѣм. яз. Pellegrino (Krkukoff), Ueber den ursprünglichen Religionsunterschied der Patricier und Plebejer, 1842); Krahnert, Grundlinien zur Geschichte des Verfalls der römischen Staatsreligion bis auf die Zeit des August, 1837; Schmidt, Essai historique sur la société civile dans le monde romain et sur sa transformation par le christianisme, 1853, pag 136 ss, 360 ss, Friedländer, Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms in der Zeit von August bis zum Ausgang der Antonine, III 423 - 540, и друг. соч., указанная ниже.

¹⁾ Sall. De Catil. coniur., 12, 3.

²⁾ Cic. De harusp. resp. 9, 18 - 19.

³⁾ Gell., N. Att., II, 28, 2.

второстепенное послѣ религіозности значеніе ¹⁾. Въ Римѣ, по словамъ историка, царила набожность, которую уважали даже сосѣдніе народы ²⁾. Конечно, римскіе писатели, подѣ влияніемъ патріотизма, впадали при этомъ въ нѣкоторое преувеличеніе, однако значительная набожность римлянъ не подлежитъ сомнѣнію.

Питая и выражая благоговѣйныя чувства по отношенію къ божеству, древнѣйшіе римляне еще не мыслили и не представляли его въ человѣкоподобной формѣ, какъ было въ послѣдствіи. Въ разсматриваемую древнѣйшую пору римляне не знали изображеній боговъ, и это обстоятельство, вмѣстѣ съ нѣкоторыми обнаруженіями религіозной жизни ихъ, съ ясностью обозначается въ нижеприводимыхъ сообщеніяхъ древнихъ писателей. По свидѣтельству бл. Августина, Варронъ говорилъ, что древніе римляне больше ста семидесяти лѣтъ чтили боговъ безъ изображеній ³⁾. По словамъ Плутарха, Нума не допустилъ, чтобы римляне имѣли изображенія боговъ въ видѣ людей или животныхъ, и у римлянъ сначала не было ни нарисованнаго, ни изваяннаго изображенія божества, но въ теченіе первыхъ 170 лѣтъ, сооружая храмы и поставляя священныя часовни, они не устроили никакого изображенія, имѣющаго видъ тѣла ⁴⁾. Климентъ Александрійскій подобнымъ образомъ писалъ, что Нума, царь римскій, воспрепятствовалъ римлянамъ создавать человѣкоподобное или имѣющее видъ животнаго изображеніе божества, и такимъ образомъ римляне, въ теченіе первыхъ ста семидесяти лѣтъ, воздвигая храмы, не устроили никакого изображенія

¹⁾ Liv. I, 21, 1.

²⁾ Liv. I, 21, 2: *finitimi etiam populi qui antea castra non urbem positam in medio ad sollicitandam omnium pacem crediderant, in eam verescundiam adducti sunt, ut civitatem totam in cultum versam deorum violari ducerent nefas.* — K r a l i n e r, l. c., S. 16, приводитъ слова Ливія въ III. 57, 7: *colebantur religiones pie magis quam magifice* съ замѣчаніемъ, что, историкъ говоритъ это вообще о прежнемъ времени; но, кажется, въ словахъ этихъ, сказанныхъ по поводу одного частнаго событія, случившагося въ 305 году отъ осн. Р., нѣтъ достаточнаго основанія для такого обобщенія.

³⁾ Augustinus, *De civ. Dei*, IV, 31: *Dicit etiam (Varro) antiquos Romanos plus annos centum et septuaginta deos sine simulacro coluisse. Quod si adhuc, inquit, mansisset, castius dii observarentur.* Справ. VII, 5 s. *et illi antiquissimi (Romani) simulacra coluissent etc.*

⁴⁾ Plutarch. Num. 8.

ни изваяннаго ни нарисованнаго ¹⁾). Отсутствіе изображеній божествъ въ римскомъ культѣ въ древнѣйшее время засвидѣтельствовано также Кирилломъ, со словъ Діонисія Галикарнасскаго ²⁾, и Тертуллианомъ ³⁾. Но, конечно, древнѣйшіе римляне не могли возвыситься до почитанія божества помимо видимыхъ обозначеній его, и приведенныя свидѣтельства, говоряція собственно объ отсутствіи у нихъ изображеній боговъ въ видѣ людей или животныхъ, не исключаютъ почитанія ими божества подъ какими бы то ни было внѣшними формами ⁴⁾. И дѣйствительно, своихъ боговъ и богинь чтили древнѣйшіе римляне подъ образомъ символовъ. Юпитера, бога свѣта и, между прочимъ, молніи, они чтили повидимому подъ символомъ кремня ⁵⁾, съ которымъ изображался иногда Юпитеръ и впоследствии ⁶⁾ и который, въ значеніи символа этого божества, употреблялся феціалами при заключеніи мирныхъ договоровъ ⁷⁾; Марса подъ символомъ копья ⁸⁾, Весту подъ символомъ огня ⁹⁾, подъ которымъ эта богиня была чтыма и въ позднѣйшее время въ храмѣ Весты (*Aedes Vestae*) у *Forum Romanum* въ Римѣ ¹⁰⁾. Это

¹⁾ Clemens Alex. Strom. 1, 15, 71.

²⁾ Cyrillus Contra Julian. p. 193 E. Spanh.

³⁾ Tertull. Apolog., 25. См. также *Serv. Comm. in Aen. I, 505, pag. 157 Thilo.*

⁴⁾ Tzschirner, *Der Fall des Heidenthums, I (1829), 41.*

⁵⁾ *Sern. ad Aen. VIII, 641: antiqui Iovis signum lapidem silicem putaverunt esse. Cf. August. De c. D. II, 29: coelestem (patriam) arripere. illic tibi non Vestalis focus, non lapis Capitolinus, sed Deus unus et verus nec metas rerum, nec tempora ponet, imperium sine fine dabit.* Здѣсь обращаютъ вниманіе самыя сопоставленія, дѣлаемыя писателемъ. См. соображенія у *Preller—Jordan I, 117.*

⁶⁾ Arnob. VI, 25.

⁷⁾ Paul. s. v. *Foretrius*, p. 65 *Ponoz*; cf. *Liv. XXX, 43.*

⁸⁾ Arnob. VI, 11; срав. поясненія *Besnard* въ его переводѣ *Арнобія (1842)* отчасти взятыя изъ *Hartung, Die Religion der Römer, 1836, II, 9—11; Ambrosch, Studien und Andeutungen, S. 6; Marquardt—Wisowa, S. 5.*

⁹⁾ *Plut. Camill. 20.*

¹⁰⁾ *Ovid. Fast. VI, 295—298; conf. III, 45* и примѣч. которое дѣлаетъ *Peter* къ этому мѣсту въ своемъ комментированномъ изданіи *Овидіева „Календаря“; Preuner, Hestia-Vesta. Ein Cyclus religionsgeschichtlicher Forschungen, 1864, S. 320—322; Jordan, Der Tempel der Vesta, 1886, S. 68 ff.; на русскомъ языкѣ Турцевичъ, въ статьѣ „Культъ Весты въ древнемъ Римѣ“, помѣщенной въ „Сборникъ статей по классической древности, изд. кiev. отд. общества классич. фил.“, вып. III, 1887.*

почитаніе божествъ въ ихъ символахъ настолько упрочилось въ Римѣ, что слѣды его наблюдались даже много вѣковъ спустя ¹⁾.

Въ своихъ богахъ римлянинъ чтили проявленія божественной силы, проникающей міръ и всеѣмъ въ мірѣ управляющей ²⁾, и, чувствуя себя находящимся въ постоянной и всецѣлой отъ нея зависимости, стремился расположить ее къ себѣ строгимъ и юридически-точнымъ соблюденіемъ ея требованій и указаній, въ чемъ, согласно съ своимъ практическимъ характеромъ, полагалъ самое существо религіи. Отсюда возникала необходимость въ точномъ опредѣленіи этихъ требованій и въ установленіи обрядовыхъ формъ при ихъ выполненіи. То и другое сдѣлано было служителями и представителями римской государственной религіи въ различныхъ обрядовыхъ книгахъ. Одну изъ такихъ книгъ составляли такъ называемыя *Indigitamenta*.

Indigitamenta представляли списки римскихъ божествъ, съ указаніемъ и основаній такого или иного наименованія божества ³⁾, обыкновенно въ видѣ перифраза самаго имени, и вмѣстѣ содержали молитвенныя формулы, съ которыми слѣдовало обращаться къ тому или другому божеству въ то или иное время или при извѣстномъ случаѣ, по государственнымъ или частнымъ дѣламъ ⁴⁾. Божества, внесенныя въ

¹⁾ Не иное что, какъ именно традиціонныя остатки древняго культа можно усматривать въ почитаніи римскими поселянами камней. *Tibull.* I, 1, 11—12: *Nam veneror, seu stipes habet desertus in agris seu vetus in trivio florea sertis lapis.* *Ovid.* *Fast.* II, 641—642: *Terminis, sive lapis, sive es defossus in agro stipes, ab antiquis tu quoque numen habes.* *Apul.* *De magia.* 56. Почитаніе этихъ символовъ божества выражалось въ украшеніи ихъ вѣнками и повязками и въ возпаніи на нихъ масла. Сравни. *Диссена* комментарий къ цитов. и слѣд. стихамъ Тибулла.

²⁾ Сжатое изложеніе представленій римлянъ по этому предмету, на основаніи позднѣйшихъ указаній, дано въ изслѣдованіи проф. Бердникова, стр. 2—3.

³⁾ *Serv.* in *Georg.* I, 21: *nomina numinum in Indigitamentis inveniuntur, id est in libris pontificalibus, qui et nomina deorum et rationes ipsorum nominum continent.*

⁴⁾ Объ *Indigitamenta* имѣется основательное изслѣдованіе Амброша (*Ambrosch*) *Ueber die Religionsbücher der Römer.* Bonn, 1843 (Abdruck aus der Zeitschrift für katholische Theologie und Philosophie). Въ позднѣйшей литературѣ пользуются извѣстностью соотвѣтствующіе отдѣлы въ цитованныхъ трудахъ Марквардта (стр. 7 сл.) и Преллера (стр. 204—228), — въ *Roscher, Ausführliches Lexikon der griechischen und*

названныя богослужебныя книги римлянъ, носили весьма своеобразныя черты, которыя могутъ быть названы исключительно римскими. по крайнему дробленію идеи божества, наблюдаемому у древнихъ римлянъ сравнительно съ другими народами — политеистами ¹⁾).

Подъ покровительствомъ этихъ божествъ находились и отъ нихъ зависѣли всѣ отдѣльныя событія и явленія физической и духовной жизни римлянина отъ начала и до конца ея. и призывались эти божества только въ опредѣленные моменты жизни, каждое въ свой ²⁾); въ вѣдѣніи особыхъ боговъ, занесенныхъ въ *Indigitamenta*, находились также всѣ предметы, нужные для человѣческаго существованія, а равно и различныя отношенія, условія и обстановка жизни римлянина ³⁾). Въ частности, какъ видно изъ сообщеній христіанскихъ писателей и указаній нѣкоторыхъ языческихъ авторовъ ⁴⁾), въ *Indigitamenta* упоминались:

Божества, отъ которыхъ зависѣло зарожденіе и развитіе дитяти въ періодъ его утробной жизни. Рядъ этихъ божествъ, повидимому, открывался Янусомъ, богомъ всякаго начала.

römischen Mythologie, 19—20 Lieferungen, въ *Dar emberg-Saglio Dictionnaire des antiquités grecques et romaines*, II, 179 ss. s. v. dii. На русскомъ языкѣ о богахъ, указанныхъ въ *Indigitamenta*, можно читать въ книгѣ проф. Модестова *Римская письменность въ періодъ царей*, также отчасти въ соч. проф. Красина, *Твореніе блаж. Августина De civitate Dei* (1873), стр. 198 слл.

¹⁾ Zeller, *Religion und Philosophie bei den Römern*, 12.

²⁾ *Censorinus, De die natali*, 3: *Genio* (который сопутствуетъ человѣку въ его жизни отъ рожденія до могилы) *per omnem aetatem quotannis sacrificamus, quamquam non solum hic, sed et alii sunt praeterea dei complures hominum vitam pro sua quisque portione adminiculantes quos volentem cognoscere indigitamentorum libri satis edocebunt. Sed omnes hi semel in unoquoque homine numinum suorum effectum repraesentant. Servius ad Aen. II, 141: pontifices dicunt, singulis actibus propriis deos praeesse.*

³⁾ *Augustin. De civ. D. VI, 9: Varro* (отъ котораго идутъ почти всѣ имѣющіяся нынѣ свѣдѣнія объ этихъ божествахъ) *commemorare et enumerare deos coepit a conceptione hominis, quorum numerum est exorsus a Iano; eamque seriem perduxit usque ad decrepiti hominis mortem... Deinde coepit deos alios ostendere, qui pertinent non ad ipsum hominem, sed ad ea, quae sunt hominis, sicuti est victus atque vestitus et quocumque alia huic vitae sunt necessaria.*

⁴⁾ *Ambrosch, Ueb. d. Religionsbücher d. R., 9; Marquardt, l. c., II, Ann. 1.*

богомъ всѣхъ временъ, вещей и самихъ боговъ, съ обращенія къ которому начинались всѣ моленія и жертвоприношенія у римлянъ¹⁾. Этотъ Янусъ носилъ специальное наименованіе *Ianus Consivius*, какъ виновникъ зарождающейся органической жизни²⁾.

Божества, содѣйствовавшія своему современному и благополучному рожденію человѣка, въ томъ числѣ, прежде всего, *Iuno Lucina*, богиня свѣта³⁾, призывавшаяся роженницами, и соотвѣтствовавшій ей богъ свѣтлаго дня *Diespiter, qui partum perducit ad diem*⁴⁾.

Божества, оберегавшія родильницу, и божества, заботившіяся о новорожденномъ, каковы, напримѣръ, *Levana*, поднимавшая дѣтей съ земли⁵⁾, на которую полагались они предъ отцомъ, для того, чтобы послѣдній, чрезъ поднятіе ребенка, призналъ свои родительскія обязанности и права по отношенію къ нему, — *Vagitanus*, благодаря которому дитя издаетъ крикъ (*vagitus*), — *Cunina*, которая, какъ видно изъ ея имени, оберегаетъ колыбель младенца, и другія.

Боги и богини ранняго дѣтскаго возраста, которые оберегаютъ маленькихъ дѣтей, укрѣпляютъ ихъ организмъ, въ частности кости, научаютъ ѣсть, пить, стоять, ходить, лепетать и говорить: *Educa, Potina, Cuba, Ossipago, Carna, Stantanus, Abeona, Adeona, Farinus, Fabulinus, Locutius*.

Божества, благопріятствовавшія дальнѣйшему возрастанію и развитію ребенка, особенно по достиженіи имъ школьнаго возраста, именно: *Mens*, божество, дающее умъ; *Deus Catus Pater*, дѣлающій дѣтей понятливыми, *catus, acutus*; *Minerva*, укрѣпляющая память; *Numeria* и *Camena*, вѣдавшія два главныхъ предмета римскаго школьнаго обученія — счисленіе и пѣніе, и помогавшія ребенку при этомъ обученіи, и другія божества, образующія изъ ребенка существо разумное, — далѣе, *Divus Volumnus, Diva Volumna, Stimula, Diva Peta*,

¹⁾ *Varro, De lingua lat., VII, 27; Macrobius Saturnal. I, 9; Martialis Epigr. X, 28; Iuvenalis sat. VI, 393—394; Pauli, s. v. Chaos, pag. 36—37 Ponor; Cic. De nat. d. II, 27, 67, Arnob., III, 29, Ov. Fast. I, 171—172, и друг.*

²⁾ *Macr. Saturn. I, 9; Aug. De c. D. VII, 2.*

³⁾ *Conf. Pauli, Excerpta s. v. Supercilia (p. 439 Ponor): quam (lucem) tribuere putabant Iunonem; unde et Lucina dicta est.*

⁴⁾ *August. De c. D., IV, 11.*

⁵⁾ *August. De c. D., IV, 11: levet de terra.*

возбуждавшія въ дитяти волю и стремленія; Praestana, Pol-lentia, Agonius, Peragenor, Agenoria, Strenia, дававшія ребѣнку силу выполнить желаніе, и прочія божества дѣтскаго и юношескаго возраста, рядъ которыхъ завершаютъ Iuventas и Fortuna barbata.

Божества брака.

Божества, охранявшія людей въ теченіи ихъ дальнѣйшей жизни и призывавшіяся въ особенныхъ жизненныхъ положеніяхъ, напримѣръ Tutanus, къ защитѣ и помощи котораго зывали находящіяся въ затруднительномъ положеніи ¹⁾, Orbona, къ которой, повидимому, зывали и подѣ покровительствомъ которой находились родители, лишенные дѣтей ²⁾, и др., также божества смерти и похоронъ.

Божества, въ вѣдѣніи которыхъ находились все занятія человѣка и прежде всего важнѣйшее занятіе древнихъ римлянъ — земледѣліе. Въ числѣ *dii agrestes* извѣстны: Sator, богъ сѣянія; Seia, богиня посѣяннаго хлѣба, пока онъ находится подѣ землей; Proserpina, богиня хлѣбныхъ зеренъ, которые даютъ ростки; Segetia, богиня хлѣба, уже поднявшаяся надѣ почвой и образующаго ниву, и т. д.

Божества, которыя покровительствовали другимъ отраслямъ сельскаго хозяйства: пчеловодству, лѣсоводству и проч.

Божества, отъ которыхъ зависѣли средства и условія ежедневной и гражданской жизни: Deus Honorinus, богъ государственныхъ должностей, Dii Lucrui, боги прибытка, Dea Pecunia и друг.

Божества различныхъ мѣстностей: Rusina, богиня полей, какъ ровныхъ, открытыхъ пространствъ ³⁾, Iugatinus, богъ горныхъ хребтовъ; Collatina, богиня холмовъ; Vallonia, бо-

¹⁾ Valgo у Нонія, о чемъ см. проф. Помяловскаго, Маркъ Теренцій Варронъ Реатинскій и Менишова сатира, 1869, стр. 232 - 233.

²⁾ Такое пониманіе, почти общепринятое, довольно твердо основывается на Агноб. IV, 7 и на объясненіи слова *orba* у Pauli, s. v. p. 201 Ропор; толкованіе Орбона, какъ богини, погашающей свѣтъ очей или смежающей глаза умершихъ, главнымъ образомъ основывается на спорномъ чтеніи Tertull. Ad nat. II, 15.

³⁾ Сравн. лат. *rus* съ русс. „равнина“ и под. словами по Etymol. Wörterbuch der lat. Sprache von Alois Vanicek, 2 Aufl. 1881 S. 235, — этимологія, заслуживающая предпочтеніе предѣ распространеннымъ производствомъ *rus* отъ *ago* (Лат. синонимика Шмальфельда, пер. А. Стрехова, 1890, § 153).

гиня долинъ; *Ascensus*, богъ подъемовъ, столь многочисленныхъ въ древнемъ Римѣ, и т. под.

Божества отдѣльныхъ частей дома: *Forculus*, богъ дверей; *Cardea*, богиня дверныхъ крюковъ; *Limentinus*, богъ пороговъ и т. д.

Имень всѣхъ божествъ, внесенныхъ въ *Indigitamenta*, и указаній на группы этихъ божествъ не сохранилось, такъ какъ латинскіе писатели: Августинъ, Тертуллианъ, Арнобій и другіе, сообщающіе наибольшее количество свѣдѣній объ этихъ божествахъ, совсѣмъ не имѣли въ виду давать полного списка ихъ, не считая этого и возможнымъ¹⁾, и стремились лишь провести и подтвердить нѣкоторыми примѣрами мысль о томъ, что наблюдаемое великое множество боговъ и богинь у язычниковъ свидѣтельствуешь о раздробленіи божественной природы, совершенно неслѣпномъ. Но число божествъ *Indigitamenta* должно было быть велико, въ виду основнаго, уже указаннаго выше, взгляда римлянъ, что каждый актъ чело-вѣческой дѣятельности и чело-вѣческой жизни находится въ вѣдѣніи особаго божества, и на самомъ дѣлѣ число это было весьма велико, по совершенно рѣшительнымъ, отчасти уже приведеннымъ, свидѣтельствамъ церковныхъ писателей. Последніе прямо смѣются надъ этою „толпою мелкихъ боговъ“²⁾, „толпою какъ бы плебейскихъ боговъ“³⁾, которые дѣлятъ между собою одно дѣло подобно мелкимъ откупщикамъ пош-линъ или серебряныхъ дѣлъ мастерамъ⁴⁾. По своему существо-ванию, боги эти суть настоящіе римскіе боги. Въ представле-ніяхъ о нихъ выразились именно тѣ взгляды на божество, которые существовали у римлянъ раньше распространения

1) Такъ Августинъ, въ IV, 8 соч. *De c. D.*, составляющаго главнѣй- шій источникъ свѣдѣній по этому предмету, говоритъ: *quando autem pos- sunt uno loco libri huius commemorari omnia nomina deorum aut deorum, quae illi grandibus voluminibus vix comprehendere potuerunt, singulis rebus propria disperientes officia numinum... Nec omnia commemoro, quia me piget quod illos non pudet. Haec ego paucissima ideo dixi, ut etc.* Подобное выражаетъ онъ въ IV, 11, IV, 21, VII, 11.

2) *August. De c. D., IV, 9: turba minorum deorum.*

3) *Ib. IV, 11: turba quasi plebeiorum deorum.*

4) *Ibid. VII, 4: Ridemus quidem, cum eos videmus figmentis huma- narum opinionum partitis inter se operibus distributos, tanquam minus- cularios vectigalium conductores, vel tanquam opifices in vico argentario, ubi unum vasculum ut perfectum exeat, per multos artifices transit, cum ab uno perfecto perfici posset.*

въ Римѣ иноземныхъ религіозныхъ воззрѣній. Эти божества являются въ активной роли и призываются только въ извѣстное время: пройдетъ это время, и самая память о нихъ исчезаетъ. Представленія о нихъ не имѣютъ никакой опредѣленности; это даже не образы, имѣющіе ясныя очертанія, а простыя понятія, лишенныя даже и той сравнительно жизненности, которую имѣютъ представленія. Не имѣя никакой исторіи, создать которую бѣднѣйшей фантазіей римлянинъ не могъ, древне-римскія божества составляютъ почти полную противоположность божествамъ греческимъ, которыя въ мифологіи являются съ ясно выраженными и совершенно опредѣленными индивидуальными чертами ¹⁾.

Первоначальная религіозная жизнь римлянъ была религіозною жизнію Рамновъ (Ramnes), первой народности или трибы изъ трехъ трибъ, положившихъ основаніе римскому государству ²⁾. Занявъ Палатинскій холмъ и основавъ здѣсь городъ, получившій отъ нихъ названіе Рима. Рамны прежде всего позаботились о культѣ своихъ племенныхъ боговъ. Средоточнымъ пунктомъ почитанія ихъ служила такъ называемая *Regia*, заключающая въ себѣ священнѣйшіе символы римской силы — оружіе главнаго бога Рамновъ Марса, и такимъ образомъ представлявшая *Capitium* римскаго населенія. Новый элементъ въ религіозную жизнь римлянъ внесли Тиціи (Tities), триба сабинскаго происхожденія, въ отличіе отъ латинской трибы Рамновъ. Поселившись на сосѣднемъ съ Палатинскимъ холмѣ Квиринальскомъ, Тиціи сначала находились къ Рамнамъ въ отношеніи федеративномъ, почему въ

¹⁾ Schwegler, Röm. Geschichte, 1, 2 Aufl. 1867, S. 226 ff.

²⁾ Таково почти общепринятое, основанное на преданіи, мнѣніе о происхожденіи Рима путемъ соединенія разныхъ трибъ. Изложеніе этой теоріи въ сжатомъ видѣ на русскомъ языкѣ имѣется въ „Римскомъ государственномъ правѣ“, соч. Виллемса, перев. подъ ред. Бодянскаго, вып. I, 1888, стр. 22—24, подробнѣе, съ изложеніемъ западной литературы и съ критическими о ней замѣчаніями — въ соч. проф. Юліана Кулаковскаго, Къ вопросу о началѣ Рима, 1888, стр. 17 слл. Нѣкоторые любопытныя соображенія о трибахъ можно найти въ статьѣ В. Петра. Этнографическій очеркъ древней Италіи, помѣщенный въ вышеуказанномъ „Сборникѣ статей по классич. древности“, вып. III, стр. 51 слл. Относительно религіозныхъ представленій трибъ подробно говорятъ, Ambrosch, Studien, въ разныхъ мѣстахъ, особ. 157 слл., Marquardt-Wissowa, 27 ff., Lange, Röm. Alterthümer, 1, 3 Auflage, 94—95, Бердниковъ, 14 слл.

религіозной жизни могли почитать своихъ боговъ, имѣли свои святилища и особое средоточіе своего культа — въ храмѣ Квирина на Квиринальскомъ холмѣ; но впоследствии оба племени соединились въ одно политическое цѣлое, вмѣстѣ съ тѣмъ объединившись и въ религіозномъ отношеніи на нѣкоторыхъ особыхъ условіяхъ, главнѣйшими изъ которыхъ были: признаніе Рамнами главнаго бога Тиціевъ Квирина и удвоеніе числа членовъ нѣкоторыхъ жреческихъ коллегій. Въ числѣ новыхъ чертъ, привнесенныхъ въ римскую религію сабинянами, повидимому, нѣсколько выдѣляется также болѣе возвышенный, идеальный, нравственный характеръ въ представленіяхъ о богахъ и религіозныхъ установленіяхъ, тогда какъ религія римлянъ до соединенія Рамновъ съ Тиціями являлась по преимуществу религією пастуховъ и земледѣльцевъ въ узкомъ смыслѣ слова ¹⁾. Наконецъ, нѣкоторое, хотя повидимому очень не большое вліяніе на религіозныя установленія въ Римѣ произвели Луцеры (Luceres), третья — доселѣ невыясненная по своему происхожденію — триба, вошедшая въ составъ римскаго населенія: ради Луцеровъ былъ нѣсколько увеличенъ жреческій составъ.

Со времени Тарквиніевъ (138 г. отъ осн. Р., 616 г. до Р. Хр.) начался второй періодъ въ исторіи римской религіи и римскихъ религіозныхъ установленій, когда Римъ пересталъ быть патріархальнымъ государствомъ, каковымъ былъ доселѣ, и, подвергаясь различнымъ стороннимъ вліяніямъ, между прочимъ, и въ религіозной области, больше и больше отступалъ отъ своихъ преданій. Гранью періода признается время правленія Тарквиніевъ по особенной важности его въ культурно-религіозной исторіи Рима, и именно по тѣмъ большимъ нововведеніямъ въ римскихъ религіозныхъ установленіяхъ, обычаяхъ и представленіяхъ, которыми Римъ обязанъ былъ этой эпохѣ.

Со времени Тарквиніевъ началось усиленное вліяніе на

¹⁾ Эту послѣднюю мысль проводить и выяснять Schweigler, I. 237 сл., и Preller-Jordan, 20—21. Сравн. на русскомъ языкѣ характеристику сабинянъ въ статьѣ проф. В. Модестова: „Образованіе римской расы и условія римскаго величія“ (Отрывокъ изъ публичныхъ лекцій о Римѣ древнемъ и новомъ) — въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1896, май, ч. 305, стр. 7 сл.

Римъ со стороны культурныхъ государствъ этрусковъ и поселившихся въ Италиі и Сициліи грековъ. Это были цвѣтущія государства, по своему образованію и гражданственности далеко превосходившія латиновъ и другихъ, стоявшихъ въ ближайшемъ родствѣ съ ними, италійцевъ, притомъ находившіяся въ постоянныхъ и оживленныхъ сношеніяхъ съ центрами тогдашняго просвѣщенія въ Греціи и Малой Азіи. Далекое опередившія латиновъ въ отношеніи гражданственности и вообще культуры, эти государства вмѣстѣ съ тѣмъ развили у себя сложную систему богопочтенія, такъ же существенно и рѣзко отличавшуюся отъ бѣднаго римскаго культа, какъ отличались опредѣленно очерченныя греческія божества отъ божествъ древнеримскихъ, образы которыхъ какъ бы расплывались въ туманѣ. Въ частности, у этрусковъ, при значительно развитомъ жречествѣ, наблюдается полная организація богослуженія съ храмами и изображеніями боговъ въ храмахъ, съ многочисленными жертвоприношеніями, торжественными процессіями и играми сценическими и цирковыми, носившими, какъ и у римлянъ впоследствии, отчасти религіозный характеръ, а также съ неизвѣстными дотолѣ въ Римѣ способами предугадыванія воли боговъ по разнымъ небеснымъ и необычайнымъ явленіямъ природы и по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ. Нѣкоторыя изъ указанныхъ формъ и принадлежностей культа были заимствованы этрусками у грековъ, вліяніе которыхъ, такимъ образомъ, распространялось на Римъ не только непосредственно путемъ сношенія римлянъ съ государствами собственной Греціи и греческими колоніями южной Италиі, но и чрезъ посредство Этруріи¹⁾. Греческое вліяніе, которое по образному и мѣткому выраженію Цицерона, вообще шло въ Римъ не мелкимъ, слабымъ ручейкомъ, но могучимъ, обильнѣйшимъ потокомъ²⁾, въ области религіи выразилось въ усвоеніи римлянами у грековъ и въ созданіи подъ греческимъ воздѣйствіемъ нѣкоторыхъ религіозныхъ формъ и учреждений. Съ этого времени римляне, доселѣ почитавшіе своихъ боговъ подѣ

¹⁾ Срав. Schwegler, I, 271 сл., Voigt въ Müller's Handb., IV, 2, 760; Марта, Руководство къ этрусской и римской археологіи, перев. Первовъ (прилож. къ журн. „Гимназія“), 1890, стр. 10 сл.; Модестовъ въ „Ж. М. Н. П.“, ч. 305, стр. 12 сл.

²⁾ Cic. De re publica, II, 19, 34.

формою символовъ, стали изображать ихъ въ видѣ людей¹⁾. Такъ были изображены, по сохранившимся свидѣтельствамъ. Юпитеръ, Геркулесъ²⁾ и Авентинская Діана, статуя которой была сдѣлана именно по образцу Ефесской Артемиды³⁾. Къ тому же времени Тарквиніевъ относится принесеніе въ Римъ изъ греческой колоніи Кумъ такъ называемыхъ Сибиллиныхъ оракуловъ, повлекшее за собою, во первыхъ, учрежденіе новой жреческой корпораціи, которая была обязана истолковывать эти провѣщанія и совершать богослужебныя дѣйствія съ цѣлію утоленія гнѣва боговъ способами, указанными въ названныхъ прорицаніяхъ, во вторыхъ, введеніе въ Римъ новыхъ греческихъ боговъ и новыхъ культовъ, доселѣ здѣсь неизвѣстныхъ⁴⁾.

Рядомъ съ указанными и многія другія причины содѣйствовали постепенному преобразованію, осложненію и измѣненію какъ религіозныхъ представленій, такъ и внѣшнихъ обрядовыхъ установленій римлянъ. Осложненіе религіозныхъ

---

¹⁾ Время, съ котораго появляются въ Римѣ человѣкоподобныя изображенія боговъ, опредѣлить можно съ приблизительною точностію Свидѣтельство Августина въ *De civ. D. IV, 31*, о томъ, что древніе римляне „больше 170 лѣтъ“ чтили боговъ, не имѣя ихъ изображеній, какъ не достаточно опредѣленное, само по себѣ, взятое отдѣльно отъ другихъ указаній, позволяетъ относить терминъ, съ котораго римляне стали представлять боговъ антропоморфически, и къ началу правленія Сервія Туллія, который сдѣлался царемъ въ 176 году отъ основанія Рима (такой имонно выводъ, и почему-то только этотъ выводъ, дѣлаетъ Марквардтъ, стр. 38, пр. 2), и къ концу царствованія Тарквинія Приска, предшественника Сервія Туллія. Но есть другое историческое свидѣтельство, которое даетъ право устранить первое предположеніе. Это свидѣтельство Плінія въ *Nat. Hist. XXXV, c. 45, § 157*, гдѣ упоминается художникъ [имя его впрочемъ читается издателями Плінія неодинаково], которому заказана была статуя Юпитера для Капитолія Тарквиніемъ Прискомъ. Въ виду этого свидѣтельства и въ виду того, что упомянутая статуя Юпитера, по словамъ того же писателя, была выдѣлена изъ глины (*fictilem eam fuisse*, по словамъ Плінія, l. c.) и, слѣдовательно, для своего изготовленія не требовала много времени, нѣтъ надобности отодвигать начало появленія въ Римѣ первыхъ статуй боговъ до времени правленія Сервія Туллія. *Ambrosch, Studien, S. 6, Anm. 21*. появленіе культа божественныхъ изображеній также относить къ времени старшаго Тарквинія.

²⁾ *Plin., Hist. Nat., XXXV, 45, 157. Sillig.*

³⁾ *Strabo, 4, p. 180; cf. Liv. I, 45, Dionys. 4, 25.*

⁴⁾ Нѣкоторыя подробности по этому предмету сообщаются у *Schwegerler, Röm. Gesch., I, 801 ff.* и *Marquardt-Wissowa, 42 ff.*

представленій прежде всего условливалось общимъ основнымъ стремленіемъ римлянъ — познать и такъ или иначе обозначить дѣйствія божественной силы въ ихъ отдѣльныхъ моментахъ. Соответственно этому, извѣстный кругъ божествъ, въ какое либо время чтившихся въ Римѣ, не могъ въ глазахъ римлянъ представлять замкнутаго цѣлаго. Всегда могло быть замѣчено новое обнаруженіе божественной силы, которое должно было повести къ установленію новыхъ культовъ. Такъ и было на самомъ дѣлѣ. Передъ наступленіемъ, напримѣръ, галловъ на Римъ, какъ рассказывали потомъ на основаніи словъ М. Цэдиція, среди ночной тишины, раздался изъ роуи Весты на *Via Nova* голосъ, возвыщавшій о приближеніи враговъ и совѣтовавшій принять мѣры предосторожности. Голосъ этотъ былъ громче человѣческаго голоса, на что Цэдицій, повидимому, обращалъ особенное вниманіе. Въ свое время этому предупрежденію не было придано значенія, по недовѣрію къ свидѣтелю событія; но впослѣдствіи, подъ впечатлѣніемъ взятія Рима галлами, вспомнили о фактѣ, усмотрѣли въ немъ провѣщаніе божества, которому придали поэтому наименованіе *Aius*, *Aius Locutius* или *Aius Loquens*, и въ честь его устроили святилище¹⁾. Когда Ганнибалъ, послѣ несчастной для римлянъ битвы при Каннахъ, не взявъ Рима приступомъ, какъ этого можно было ожидать въ виду отчаяннаго положенія Рима и римлянъ, но направился въ Капую, то въ этомъ, спасшемъ Римъ, обстоятельстве римляне также усмотрѣли вмѣшательство божества, которому они поэтому усвоили имя *Deus Rediculus* и устроили особое святилище предъ *Porta Capena*, откуда шла на Капую *via Appia*²⁾. Съ появленіемъ мѣдной монеты появился и новый богъ — *Deus Aesculanius*; со времени чеканки серебряной монеты, послѣдовавшей за мѣдною, въ 485 году Рима, сталъ почитаться

1) Ливій, передающій рассказъ объ этомъ въ V, 32, 6—7, V, 50, 5, V, 52, 11, говоритъ о *templum Aio Locutio*; Цицеронъ въ *De divin.* I, 45, 101 и II, 32, 69 говоритъ объ *ara Aio Loquenti*. Впрочемъ тождество тому и другого святилища (а также и божествъ, для которыхъ святилища были назначены?) не всѣми признается. См. O. Richter, въ *Müller's Indb.*, III, 828—829 и Preller-Jordan. I, 62, A. 1. Геллій въ XVI, 17, говоритъ объ *ara* въ честь *Aius*.

2) *Pauli Excerpta s. v. Rediculi* (pag. 393 Ponor): *Rediculi fanum extra portam Capenam fuit, quia accedens ad urbem Hannibal ex eo loco redierit quibusdam perterritus visis. Conf. Plin. Nat. Hist. X, 43, § 122.*

сынъ перваго Deus Argentinus. До какого времени продолжался этотъ процессъ признанія или — что тоже — созданія новыхъ божествъ на основаніи дѣйствій ихъ, доселѣ римлянами, по ихъ мнѣнію, не наблюдававшихся, сказать съ увѣренностью нельзя. Что касается, въ частности, названныхъ божествъ денегъ, то въ виду того, что за Deus Aesculanus и Deus Argentinus появления Deus Aurinus у римлянъ не послѣдовало и въ виду сообщеній Плинія о томъ, что argentum signatum est anno Urbis CCCCLXXXV, Q. Ogulnio C. Fabio Coss. quinque annis ante primum bellum Punicum¹⁾ и что aureus nummus post annum LXII percussus est quam argenteus²⁾. можно полагать, не безъ вѣроятности, что у римлянъ были созданы указанные имена божествъ денегъ, а слѣдовательно и культъ ихъ, не позже промежутка времени между первой и второй войной Рима съ Карфагеномъ³⁾. Правда, на основаніи отсутствія у римлянъ Deus Aurinus дѣлается иногда догадка о томъ, до какого времени продолжалось вообще у римлянъ созданіе боговъ указаннымъ способомъ, именно почитфиками, и этотъ терминъ полагается около времени 2-ой пунической войны, когда на духовной жизни Рима особенно стали отражаться иноземныя вліянія⁴⁾; но такой выводъ не представляется оправданнымъ уже потому одному, что онъ опирается на одномъ лишь обстоятельстве — единственно на отсутствіи у римлянъ божества съ именемъ Aurinus, — основаніи недостаточномъ, тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ, рассуждая и выражаясь точно, слѣдовало бы говорить не объ отсутствіи у римлянъ этого божества, а о томъ, что не встрѣчается указанія на него въ сохранившихся памятникахъ римской литературы, письменности и искусства. Притомъ ограниченіе времени созданія или — что тоже — признанія римлянами божествъ указаннымъ періодомъ не находилось бы въ соответствіи съ однородными въ сущности фактами признанія римлянами чужихъ божествъ и въ болѣе позднее время.

Твердо и постоянно державшаяся среди римлянъ мысль о

1) Plin. N. H. XXXIII, 13, 44.

2) Ib., § 47.

3) Срав. Preller-Jordan, II, 222, Anm. 2.

4) Ambrosch, Studien und Andeutungen, I Heft, S. 64, Anm. 111; Marquardt, l. c., 31—32.

томъ, что всегда возможно открытіе новыхъ божественныхъ дѣйствій и новыхъ божественныхъ существъ, въ Римѣ до времени неизвѣстныхъ, выражалась — довольно характерно для древняго языческаго міра — въ почитаніи невѣдомыхъ для самихъ римлянъ божествъ, подобныхъ „невѣдомому Богу“, которому аѳиняне устроили жертвенникъ (Дѣян. Апост. 17, 23). Римляне нерѣдко обращались съ молитвеннымъ воззваніемъ къ божеству, назвать котораго точно не умѣли и котораго поэтому призывали, не именуя его, но пользуясь приблизительно такого рода формулами: „богъ ли (ты) или богиня“, „кто бы ты ни былъ“¹⁾, и т. п. Та же основная мысль о существованіи боговъ, которые въ Римѣ сначала публично не были почитаемы, обнаружилась въ терпимости къ культамъ, принесеннымъ въ Римъ переселенцами изъ муниципій, и особенно въ образѣ дѣйствій относительно боговъ враждебныхъ Риму городовъ. Предпринимая и продолжая осаду непріятельскаго города, римляне были увѣрены, что завоеваніе города могло послѣдовать только въ томъ случаѣ, если осаждающіе найдутъ возможность склонить бога-покровителя города къ удаленію отсюда, и они всячески старались расположить этого бога въ свою пользу, вызвать (evocare) изъ осаждаемаго города и побудить отправиться въ Римъ, какъ въ свой городъ, обѣщаясь здѣсь воздвигнуть для него новый храмъ, устроить въ честь его игры и вообще создать для него такой же или даже болѣе блестящій культъ, чѣмъ какой существовалъ для него на родинѣ²⁾. Римляне были очевидно вполне убѣждены, что эти божества суть дѣйствительныя, истинныя божества, и свои обѣты, данные имъ, выполняли съ точностью. Такимъ путемъ римское богопочтеніе значительно должно было осложниться, а число римскихъ боговъ увеличиться³⁾.

¹⁾ Сравн. выраженіе относительно жертвоприношенія братьевъ Арвальскихъ: *sive Deo, sive Deae, in cuius tutela hic lucus locusque est, oves II* (C. I. L. VI, 2099) и фразу въ предписаніи Катона *de agric. 139: sic verba concipito: Si deus si dea es etc.* по указ. у Marquardt, l. c., 32; *Virg. Aen. IV, 576--577: sequimur te, sancte deorum, quisquis es, и друг.*

²⁾ *Li v. V, 21, 3: te, Iuno regina, quae nunc Veios colis, precor. ut nos victores in nostram tuamque mox futuram urbem sequare, ubi te dignum amplitudine tua templum accipiat. Macro b. Saturnal. III, 9: F e s t. s. v. Peregrina sacra; S e r v. ad Aen. II, 351 и 244.*

³⁾ *A m b r o s e h, въ Studien, S. 180, приводитъ свид. мѣсто изъ Prudent. c. Symmach. II, 346: innumeros post deinde deos, virtute subactis urbi-*

На римскую религію оказало, далѣе, большое вліяніе усиленіе въ Римѣ того класса гражданъ съ меньшими правами, который получилъ названіе плебса. Представляя собою такой элементъ въ римскомъ государствѣ, который вообще являлся носителемъ идей и стремленій, несогласовавшихся съ бюкратическимъ и патриціански-патріархальнымъ характеромъ государственной жизни Рима въ прежнее время, плебеи въ религіозную жизнь государства внесли весьма много новаго. Въ борьбѣ съ патриціями, представлявшими прежде все римское гражданство, изъ-за гражданскихъ правъ, плебеи, добившись допущенія сначала къ гражданскимъ должностямъ, получили затѣмъ доступъ и къ должностямъ въ нѣкоторыхъ вліятельныхъ коллегіяхъ служителей государственныхъ боговъ, культу которыхъ они были доселѣ совсѣмъ чужды¹⁾. За симъ послѣдовали другія, вызванныя тою же общою причиною, перемѣны въ римской религіи, которыя впрочемъ обозначились уже нѣсколько позже.

Вообще второй періодъ въ римской религіозной исторіи обнимаетъ время, когда Римъ пересталъ быть патріархальнымъ государствомъ и началъ дѣлаться болѣе и болѣе доступнымъ вліянію иноземной культуры. Это было время разнообразныхъ нововведеній, сдѣланныхъ подъ вліяніемъ соседнихъ племенъ и государствъ, между прочимъ и въ религіозной области, — время появленія въ Римѣ блестящаго богослужебнаго обряда съ новою богослужебною обстановкою, новыхъ культовъ и новыхъ способовъ распознаванія божественной воли.

Послѣ 2-ой пунической войны (536—553 г. отъ осн. Р., 218—201 до Р. Хр.), начался новый періодъ въ историческомъ развитіи римской религіи, продолжавшійся до времени Августа. Гранью этого періода, отдѣляющею его отъ періода предшествующаго, служить 2-я пуническая война и именно

---

bus, ex claris peperit sibi Roma triumphis. Inter fumantes templorum armata ruinas dextera victoris simulacra hostilia cepit et captiva domum, venerans seu numina, vexit.

¹⁾ Последнее обстоятельство не предполагаетъ отсутствія у плебеевъ богопочтенія. Неправильный по этому предмету взглядъ Фюстель де Куланжа (Гражд. община, 1867, стр. 310 слл.) устраняется уже одной ссылкой на Liv. X, 7, приведенной Виллемсомъ (Рим. госуд. право, вып. 1, 1888, стр. 34).

ея окончаніе, по важности этой эпохи въ исторіи духовнаго развитія Рима. Счастливымъ для Римлянъ исходъ второй ихъ войны съ Кароагеномъ, усилившій ихъ вѣру въ свои силы, вызвалъ чрезвычайный подъемъ народнаго духа и могущественно повліялъ на расширеніе духовной жизни и духовной производительности народа въ разныхъ областяхъ, особенно послѣ того, какъ римляне познакомились съ греческою культурою на почвѣ самой Греціи, куда они, послѣ разгрома кароагенианъ, перенесли свое побѣдоносное оружіе. Но подъемъ культуры римской долженъ былъ сопровождаться и дальнѣйшимъ осложненіемъ римскихъ религіозныхъ представленій и установленій, или — что тоже — измѣненіемъ прежней религіи римлянъ. Это измѣненіе выразилось прежде всего въ томъ, что совершилось сліяніе нѣкоторыхъ римскихъ божествъ съ греческими, — перемѣна крупная, но совершившаяся почти незамѣтно, вслѣдствіе того, что римскія божества, не имѣвшія ни исторіи, ни вполне опредѣленныхъ образовъ, весьма легко могли быть отождествлены съ соответствовавшими имъ божествами, греческими и усвоить себѣ мнѳологическія черты послѣднихъ. Греческія представленія о богахъ, помимо личныхъ сношеній римлянъ съ греками въ Римѣ и внѣ его, главнымъ образомъ переходили въ Римъ чрезъ посредство греческихъ поэтовъ, съ которыми съ этого времени стали знакомить римлянъ ихъ отечественные поэты, и греческаго искусства, произведеніями котораго украшался Римъ.

Другая перемѣна въ представленіяхъ римлянъ о богахъ была произведена вліяніемъ греческой философіи, которая съ греческимъ языкомъ и вѣмъ греческимъ образованіемъ, благодаря разнообразнѣйшимъ отношеніямъ, связывавшимъ Римъ съ Греціею, переселеніямъ грековъ въ Италію и образовательнымъ путешествіямъ римлянъ на востокъ, больше и больше упрочивалась на римской почвѣ и приобрѣтала здѣсь больше и больше вліянія на общественное мнѣніе. Проникая въ Римъ и дѣйствуя на римлянъ главнымъ образомъ литературнымъ путемъ¹⁾, греческая философія развивала на

¹⁾ Первый извѣстный примѣръ распространенія философскихъ воззрѣній въ Римѣ путемъ устной передачи ихъ представляютъ публичныя чтенія по философіи, предложенныя римлянамъ въ 598 году Рима (156 до Р. Х.) знаменитыми представителями трехъ главнѣйшихъ философскихъ школъ: стойкомъ Діогеномъ, перипатетикомъ Критолаемъ и академикомъ Карнеадомъ и имѣвшія значительный успѣхъ, къ великому огорченію людей стараго закала, въ родѣ Катона.

римской почвѣ религіозный скептицизмъ и рационализмъ ¹⁾. Виднымъ плодомъ такого вліянія греческой философіи въ Римѣ были подложныя книги царя Нумы, содержащія, по видимому, философскія истолкованія богослужебныхъ обрядовъ и миѳовъ въ духѣ пифагорейскаго ученія и самимъ государствомъ признанныя вредными для отечественной религіи ²⁾, и нѣкоторыя воззрѣнія, выраженные Квинтомъ Энниемъ ³⁾. Этотъ даровитый и популярный римскій поэтъ, во первыхъ, перевелъ на латинскій языкъ такъ наз. „Священную надпись“ Эвгемера, въ которой названный греческій писатель 4 вѣка провелъ и раскрылъ мысль о томъ, что всѣ боги были первоначально людьми. Своимъ переводнымъ трудомъ Энній, долгое время бывший любимѣйшимъ и вліятельнѣйшимъ изъ римскихъ поэтовъ, безъ сомнѣнія много помогъ распространенности и популярности въ Римѣ Эвгемерова взгляда, котораго и самъ держался ⁴⁾, примѣненію этого взгляда къ объясненію сказаній о Сатурнѣ, Янусѣ и другихъ миѳологическихъ божествахъ, какъ историческихъ лицахъ, жившихъ нѣкогда въ Италіи. Такая система толкованія не могла не грозить большой опасностью религіозному чувству, и это видѣли сами римляне ⁵⁾.

У того же Эннія въ стихотвореніи „Эпихармъ“ и въ раз-

¹⁾ По этому предмету имѣются указанія въ *Geschichte der Denk- und Glaubensfreiheit im ersten Jahrhundert der Kaiserherrschaft und Christenthums von Schmidt* (1847).

²⁾ О знакомствѣ многихъ римлянъ съ этими книгами говоритъ Ливій въ XI, 29 гдѣ разсказывается исторія находки книгъ и ихъ послѣдующая судьба. Срав. Плиній въ *Hist. Nat.* XIII, 13 (27).

³⁾ Обстоятельное разсужденіе объ Эннѣ, а также о Сцеволѣ и Варронѣ, упоминаемомъ ниже, представилъ Krahnert, I. c., s. 20 ff

⁴⁾ На послѣднее указываетъ Цицеронъ который, въ *De nat. d.*, I, 42, 119, касаясь Эвгемера, говоритъ: *quem (Euhemerum) noster et interpretatus et secutus est praeter ceteros Ennius.*

⁵⁾ Цицеронъ въ цитованномъ мѣстѣ *De nat. d.* I, 42, 119, говоритъ: *qui aut fortis aut claros aut potentis viros tradunt post mortem ad deos pervenisse eosque esse ipsos. quos nos colere, precari venerarique solemus. nonne expertes sunt religionum omnium? Великій Понтифікъ Кв. Муцій Сцевола, по словамъ Августина, утверждавшій, что такъ называемая философская теологія содержитъ въ себѣ нѣчто такое, знаніе чего вредно для народа (habeat — aliqua quae obsit populis nosse), на поставленный имъ вопросъ: *quae sunt autem illa. quae prolata in multitudinem nocent?* — далъ такой отвѣтъ: *Haec, inquit, non esse deos Herculem. Aesculapium, Castorem, Pollucem: proditur enim a doctis, quod homines fuerint et humana condicione defecerint* (*Augustin. De c. D.* IV, 27).*

ныхъ мѣстахъ „Анналь“ отразилось также еще другое — натуралистическое пониманіе и толкованіе мѣоовъ, сущность котораго сводится къ положенію, что Юпитеръ есть огонь солнца или эфиръ, по взгляду же нѣкоторыхъ воздухъ, и что всѣ явленія природы суть истеченія изъ него. Это воззрѣніе, впрочемъ, могло послужить на пользу римской религіи. Далѣе, извѣстно, что Энній въ одной изъ своихъ трагедій сдѣлалъ заявленіе о несуществованіи божественнаго провидѣнія совершенно въ духѣ и въ тонѣ эпикурейской философіи, и это заявленіе, какъ замѣчаетъ Цицеронъ, вызывало состороны слушателей въ театрѣ выраженія совершеннѣйшаго одобренія ¹⁾. Подобнаго рода воззрѣнія, конечно, не могли не содѣйствовать шатанію религіозной мысли римлянъ, и при томъ весьма сильно, вслѣдствіе особеннаго вліянія впечатлѣній на зрителей съ театральной сцены. По своему дѣйствію на тогдашнихъ римлянъ такого рода факты въ сущности были однородны съ немалочисленными случаями профанаціи религіи, которые позволялъ себѣ равнодушный къ религіи Плавтъ для потѣхи зрителей и слушателей своихъ комедій.

Натуралистическое объясненіе природы боговъ и мѣоовъ о богахъ, начатки котораго замѣчаются у Эннія, современемъ получило значительное развитіе. Склонность къ такому объясненію развивалась въ Римѣ одновременно и параллельно съ увеличивавшимся больше и больше, подъ вліяніемъ философіи, разладомъ между субъективными взглядами отдѣльныхъ лицъ, получившихъ философское образованіе и ставив-

---

¹⁾ *Magno plausu, adsentiente populo*, встрѣчалось оно по *De divin.* II, 50, 104. Недаромъ въ 581 (173) году два эпикурейскихъ философа были изгнаны изъ Рима: философія Эпикурова, отдалявшая боговъ отъ земнаго міра и людей и отрицавшая божественное міроправленіе какъ рѣшительно несовмѣстное съ свободою блаженныхъ боговъ отъ всякихъ заботъ и съ внутреннею духовною свободою человѣка, была немногимъ лучше чистаго атеизма и во всякомъ случаѣ для римской народной вѣры гораздо опаснѣе, чѣмъ стоицизмъ, хотя послѣдній своимъ пантеизмомъ уничтожалъ личность и человѣкоподобіе боговъ, эпикуреизмъ же то и другое отстаивалъ, а его представители, ради принаровленія къ житейскимъ обстоятельствамъ, совѣтъ не свойственнаго истиннымъ философамъ, даже не уклонялись отъ обычнаго въ Римѣ культа боговъ.

нихъ силы природы. или, точнѣе, проявленія единой силы природы на мѣсто боговъ, и требованіями государственной и народной религіи, которая не могла отказаться ни отъ политеизма въ его обычной формѣ, ни отъ человѣкоподобія боговъ. Такой разладъ наблюдается уже у ученика основателя римскаго стоицизма знаменитаго Панэтія, именно у Великаго понтифика Кв. Муція Сцеволы, который изъ трехъ различавшихся имъ теологій: теологіи поэтовъ, философовъ и государственныхъ людей, самъ лично, по крайней мѣрѣ по нѣкоторымъ пунктамъ, высказывался за философское представленіе о богахъ, какъ правильное, но для народа признавалъ единственно пригодною такъ-называемую государственную религію, хотя бы она заключала въ себѣ и ложь, такъ какъ, по его мнѣнію, усвоенному можетъ быть отъ учителя Панэтія, эта ложь для народа полезна ¹⁾.

Такого же въ сущности взгляда держался и въ нѣкоторыхъ частностяхъ обстоятельно раскрылъ его М. Теренцій Варронъ Реатинскій, знаменитый изслѣдователь римской старинны писатель, котораго высоко цѣнили и много читали не одни позднѣйшіе ученые, но и древніе римляне, и сужденія котораго объ отечественной религіи необходимо должны были производить большое вліяніе на его соотечественниковъ, особенно современниковъ. Варронъ, различавшій такую-же тройкую теологію: поэтическую или мифологическую, философскую или естественную и гражданскую или государственную, лично самъ видимо склонялся къ философскому представленію о богахъ, въ смыслѣ стоическаго пантеизма; онъ именно мыслилъ ихъ, какъ части міровой души, проникающей и одухотворяющей міръ и съ нимъ соединенной, и съ этой точки зрѣнія истолковывалъ ученіе государственной религіи объ отдѣльныхъ римскихъ божествахъ, желая осмыслить послѣднюю, примирить ее съ субъективными требованіями просвѣщенныхъ и философски образованныхъ соотечественниковъ.

¹⁾ Въ приведенной уже выдержкѣ изъ Augustin. De c. D. IV, 27, при указаніи основаній, по которымъ философская теологія должна быть признана прямо вредною для простаго народа, послѣ указанія на непригодное для народа познание боговъ согласно съ теоріею Евремера, говорится: *Quid aliud? Quod eorum, qui sint dii, non habeant civitates vera simulacra, quod verus deus nec sexum habeat nec aetatem nec definita corporis membra. Haec pontifex nosse populos non vult: nam falsa esse non putat. Expedire igitur existimat falli in religione civitates.*

и чрезъ то придать ей новую жизненную силу, ради пользы государства ¹⁾; но эти философскія представленія и толкованія онъ не считалъ предназначенными для народа, полагая одинаково съ Сцеволой, что народу полезнѣе многого не знать ²⁾ и держаться традиціонной вѣры, безъ всякихъ мудрствованій. Въ основаніи этой двойственности лежалъ весьма характерный для римлянина взглядъ, что государственнѣйшій культъ нужно защищать и содержать не ради его внутренней цѣнности, не ради достоинствъ его по существу, но собственно и единственно потому, что онъ существуетъ уже давно ³⁾, что отечество обязано ему очень многимъ, что онъ служить опорой или фундаментомъ зданія государства, колебавъ который можно причинить ущербъ всему этому зданію. Это былъ взглядъ, и въ послѣдующее время господствовавшій въ образованномъ римскомъ обществѣ и неоднократно высказывавшійся популярными римскими писателями, которые являлись въ этомъ случаѣ выразителями народнаго сужденія. Держался его и Цицеронъ ⁴⁾.

Нужно-ли говорить, что распространеніе такого взгляда свидѣтельствовало объ отсутствіи внутренней жизненности и изсякновеніи внутренней силы въ старой римской религіи? Не характерно-ли для этого упадка жизненной силы римской религіи и не знаменательно-ли въ высшей степени то, что великій понтификъ Сцевола, верховный блюститель государственнаго культа, съ негодованіемъ говоритъ о мифахъ, которые недостойны боговъ, хотя эти мифы поддерживались не одними поэтами, и не были чужды и государственно-народной религіи, и признаетъ изображенія боговъ въ храмахъ не соответствующими ихъ существу, если онъ говоритъ о

¹⁾ August. De civ. D., VI, 6, VI, 9.

²⁾ По Augustin., De c. D., IV, 31, Варронъ dicit de religionibus loquens, multa esse vera, quae non modo vulgo scire non sit utile, sed etiam, tametsi falsa sunt, aliter existimare populum expediat etc.

³⁾ Эту характерную черту язычества хорошо отмѣтилъ Лактанцій, который въ Inst. D. II, 6, писалъ: Haec sunt religiones, quas sibi a maioribus suis traditas pertinacissime tueri ac defendere perseverant; nec considerant quales sint, sed ex hoc probatas atque veras esse confidunt, quod eas veteres tradiderunt.

⁴⁾ Сравни., напр. De divinat. II, 33, 70: retinetur et ad opinionem vulgi et ad magnas utilitates rei publicae mos, religio, disciplina, ius augurum, collegii auctoritas, и т. п.

многомъ ложномъ въ государственной религіи, поддерживаемомъ единственно ради соображеній практической пользы, и никто не привлекаетъ его къ отвѣтственности за такого рода мнѣнія ¹⁾? Внутренней силы старой римской религіи, изсякавшей больше и больше съ упадкомъ религіознаго чувства и наивной вѣры, не могъ поддержать и стремившійся къ этому римскій стоицизмъ, такъ какъ, ставя на мѣсто боговъ народной вѣры одно безконечное существо, которое изъ себя все производитъ и потомъ опять въ себя все принимаетъ, стоицизмъ тѣмъ самымъ отрицалъ множественность и чело-вѣкоподобіе боговъ, и если и называлъ разныя силы природы богами, то представлялъ ихъ не самостоятельными божественными существами или личностями, но лишь проявленіями и дѣйствіями первосилы, а защищая народную религію съ ея богами, мѣрами о богахъ и формахъ богопочтенія и находи здѣсь выраженными тѣ же философскія истины, только въ иной формѣ, и выясняя такое пониманіе при помощи аллегорическаго толкованія религіозныхъ сказаній, едва-едва лишь прикрывалъ раздвоеніе между вѣрою народа и религіозными взглядами философовъ.

Конечно, старая религія имѣла еще почитателей; люди вѣрующіе въ старо-римскомъ смыслѣ слова существовали еще и въ концѣ республиканскаго періода въ значительномъ числѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ не малочисленныя указанія тогдашнихъ римскихъ писателей, напримѣръ Цицерона, Варрона, особенно Лукреція, пропагандиста эпикурейской теологіи, который и фактическими сообщеніями, напримѣръ о продолжавшемся въ его время построеніи новыхъ храмовъ и посѣщеніи ихъ въ праздники и т. п. ²⁾, и горячностью своей полемики противъ старой вѣры свидѣтельствуетъ о силѣ послѣдней; но эта численность приверженцевъ старой римской религіи въ данномъ случаѣ не имѣетъ большого значенія. Религіозное сомнѣніе, въ связи съ равнодушіемъ къ религіи, разъ возникшее и потомъ уже не исчезающее, но распространявшееся, должно было больше и больше подгачи-

¹⁾ Взглядъ Целлера, раскрываемый l. c., стр. 35 сл.

²⁾ Lucr. V, 1161 -- 1165 говоритъ о *sollemnia sacra, quae nunc in magnis florent sacra rebu' locisque*, говоритъ о *mortalibus insitus horror qui delubra deum nova toto suscitatur orbi terrarum et festis cogit celebrare diebus*.

вать и ослаблять основанія прежней религіи римлянъ, проникая отъ образованныхъ классовъ въ простую народную среду. Этому не мало помогало то, что эпикурейскія сочиненія, которыя, послѣ ново-академическихъ, всего больше поддерживали религіозный скептицизмъ и индифферентизмъ, обращались въ Римъ и на латинскомъ языкѣ, при томъ даже въ стихотворномъ изложеніи, какъ у Лукреція, въ противоположность сочиненіямъ, которыя вышли изъ другихъ философскихъ школъ и писались только по гречески; при томъ эпикурейскіе взгляды были для обычнаго пониманія проще и доступнѣе. Что же касается академическаго скептицизма, то о силѣ этого направленія, имѣвшаго такого остроумнаго и блестящаго представителя, какъ Карнеадъ, и о неблагопріятномъ вліяніи его на религію, достаточно свидѣтельствуютъ философскія сочиненія Цицерона. Къ указаннымъ обстоятельствамъ присоединилось неблагопріятное для дѣла религіи перенесеніе выборовъ членовъ важнѣйшихъ жреческихъ коллегій: понтификовъ, авгуровъ, квиндецемвировъ, а также эпулоновъ, изъ самихъ коллегій въ среду народныхъ собраній съ ихъ чисто гражданскими партійными интересами, чрезъ что въ членахъ этихъ коллегій, и прежде не чуждыхъ соискательствъ гражданскихъ партій, еще больше долженъ былъ ослабѣть интересъ чисто религіозный.

Подъ совмѣстнымъ дѣйствіемъ всѣхъ указанныхъ причинъ, къ которымъ присоединилось и вліяніе искусства, сдѣлавшагося въ эту пору симптомомъ религіознаго упадка и въ свою очередь содѣйствовавшаго этому упадку профанаціею религіозныхъ сюжетовъ, старая римская религіозность въ массѣ римскаго населенія къ концу республики замѣтно стала изсякать. Живое религіозное чувство видимо ослабѣло даже и въ представителяхъ римской религіи, которые перестали дорожить преимуществами своего священнаго званія и потому начали уклоняться даже отъ такихъ высокихъ жреческихъ должностей, каковы должности *Rex sacrorum* и высшихъ *Flamines*, а если и проходили ихъ, то съ отступленіемъ отъ прежняго строгаго требованія о несовмѣстимости этихъ жреческихъ должностей съ государственными; жреческія обязанности исполнялись небрежно ¹⁾. Наглядными свидѣтелями

¹⁾ По свидѣтельству Цицерона объ его времени, *auspicia* — nunc a Romanis auguribus ignorantur. De div. I, 15. 25. Conf. De n. d. II, 3. 9. De leg. II, 13, 33. De orat. III, 33.

такого печальнаго положенія дѣлѣ, внушавшаго римскимъ патриотамъ серьезныя опасенія за судьбы отечественной религіи ¹⁾, являются разрушенныя ²⁾, запущенныя ³⁾ и разграбленныя ⁴⁾ храмы, такъ сильно поражавшіе нѣкоторыхъ римлянъ послѣдующаго времени.

Съ Октавіана Августа (724 — 767 г. отъ основанія Рима. 30 г. до Р. Хр. — 14 г. по Р. Хр.) начинается четвертый періодъ въ исторіи римской религіи, обозначившійся на первыхъ порахъ нѣкоторымъ подъемомъ религіознаго духа въ римскомъ государствѣ.

Совершая свой государственный переворотъ, Августъ чувствовалъ нужду въ какомъ-нибудь учрежденіи, на которое онъ могъ-бы опереться и которое могло-бы послужить его планамъ. Такимъ учрежденіемъ избралъ онъ религію съ ея установленіями, вѣрно разсчитавъ, что римская религія, помогшая римскому народу создать могущественное государство, поможетъ и преобразователю этого государства пересоздать старыя учрежденія въ желательномъ для реформатора духѣ. Отсюда — покровительство, которое оказывалъ Августъ религіи съ начала и во все продолженіе своего правленія. Онъ реставрировалъ разрушенныя храмы и съ такою ревностью велъ это дѣло, что современный ему историкъ называлъ его „устроителемъ и возстановителемъ всѣхъ храмовъ“ ⁵⁾; онъ возстановлялъ богослужебныя обряды и рели-

¹⁾ Варронъ, по August. De civ. D. VI, 2, говоритъ относительно боговъ: se timere ne pereant, non incurſu hostili, sed civium negligentia, de qua illos velut ruina liberari a se dicit, et in memoria bonorum per huiusmodi libros [разумѣются книги о религіозныхъ древностяхъ] rescindi atque servari etc. Сравни Cic. Acad. poster. I, 3, 9.

²⁾ Hor. Carm. III, 6, 5: Delicta maiorum immeritus lues, Romane, donec templa refeceris aedesque labentes deorum et foeda nigro simulacra fumo. Ovid. Fast. II, 57—59: Nunc ubi sunt, illis quae sunt sacrata Kalendis templa deae; longa procubere die.

³⁾ Propert. II, 6, 35: non immerito velavit aranea fanum, et mala desertos occupat herba deos. IV, 13, 47: nunc desertis cessant sacraria lucis.

⁴⁾ Cic. De n. d. I, 29, 82: fana multa spoliata et simulacra deorum de locis sanctissimis ablata videmus a nostris. См. Varro. De lingua lat. V, 49 и Cic. De har. resp., 15.

⁵⁾ Templorum omnium conditorem ac restitutorem — называетъ его Ливій въ IV, 20, 7. Самъ Августъ по этому предмету въ Monum. Ancyr. писалъ: duo et octoginta templa deum in urbe... refeci, nullo praetermisso, quod [eo] temp [ore] refici debebat.

гіозныя упрещенія, наблюдать за строгимъ выполненіемъ церемоній, заботился объ упорядоченіи Сивиллиныхъ книгъ и улучшеніи календаря, тѣсно связаннаго съ праздниками, содѣйствоваль увеличенію числа и доходовъ жрецовъ, вообще пытался по-своему возбудить жизнь въ римской религіи. Конечно, эти старанія почти не шли дальше внѣшности, сей-часъ же приостанавливались, коль скоро не оправдывались интересами главы государства, и почти исключительно условливались основною цѣлью Августа — получить отъ религіи санкцію своихъ дѣйствій и достигнуть религіознаго прославленія себя и своей фамиліи ¹⁾. Но это все-же не помѣшало нѣкоторому подъему религіозной настроенности въ римскомъ народѣ и улучшенію условий религіозной жизни въ Римѣ. Ближайшіе преемники Августа, въ общемъ, слѣдовали его примѣру; въ томъ числѣ даже и худшіе изъ императоровъ, которые по крайней мѣрѣ не оставляли религіи въ пренебреженіи; лучшіе-же изъ императоровъ заботились о поддержаніи національнаго культа, который такимъ образомъ вновь пріобрѣлъ значеніе, хотя и не надолго, такъ какъ не былъ проникнутъ жизненнымъ началомъ всякаго культа — религіознымъ духомъ и сильнымъ религіознымъ чувствомъ.

Однако рядомъ съ возстановленіемъ отечественнаго культа шло въ Римѣ процессъ дальнѣйшаго осложненія и измѣненія римской религіи, измѣненія вѣрованій и представленій о богахъ, при сохраненіи даже прежнихъ обрядовыхъ формъ. Эти нововведенія объясняются вліяніемъ чужеземныхъ, въ особенности восточныхъ культовъ, больше и больше проникавшихъ въ Римъ съ продолжавшимся движеніемъ римскаго оружія на востокъ, и вліяніемъ философіи. Проникшіе въ Римъ восточные культы отличались отъ римскаго тѣмъ, что усвоили весьма большое, руководственное въ дѣлахъ вѣры, значеніе жрецу, расширяли участіе женщинъ въ богопочтеніи и разными искусственными способами, особенно эффектными обрядами покаяній и очищеній, успокоивавшими мятущуюся совѣсть, и внушительными церемоніями мистерій, развивали въ своихъ послѣдователяхъ пламенную набожность. Явившись на римской почвѣ съ такими чертами, эти культы должны были распространять въ римскомъ мірѣ взглядъ на жрецовъ.

¹⁾ Въ глубинѣ души своей Августъ, повидимому, не имѣлъ глубокой вѣры въ отечественныхъ боговъ. Sueton., Octav., 70.

отличный отъ существовавшаго въ старомъ Римѣ, гдѣ жрецы были лишь совершителями религіозныхъ обрядовъ, и взглядъ на богопочтеніе, тоже разнившійся отъ стараго римскаго взгляда, согласно которому въ богопочтеніи самое главное—пунктуальная точность въ выполненіи ритуала. Еще важнѣе было то, что, подъ вліяніемъ восточныхъ культовъ, нѣкоторыя римскія божества слились съ соотвѣтствовавшими имъ восточными (напримѣръ сирійскими и египетскими) божествами и, слившись, конечно значительно измѣнились въ своемъ существѣ, о чемъ можно судить по тому, какъ послѣднее стало отнынѣ мыслиться римлянами; дальнѣйшимъ же слѣдствіемъ того же смѣшенія должно было явиться проникновеніе нѣкоторыхъ обрядовъ восточныхъ культовъ въ римскія святилища. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя ревностныхъ пропагандистовъ въ своихъ жрецахъ и отчасти опираясь на болѣе склонную къ чувству женскую половину римскаго населенія, проникнутые чувствомъ и мистицизмомъ, восточные культы и сами въ полномъ своемъ видѣ стали укрѣпляться на римской почвѣ. Этому благоприятствовало съ одной стороны общее начало терпимости, которымъ руководились римляне въ дѣлахъ религіозныхъ, коль скоро тому не препятствовала польза политическая, — съ другой—уважительное отношеніе представителей восточныхъ культовъ къ государственной римской религіи, къ которой они, въ интересахъ собственнаго благополучія, не желали и не могли стать въ вызывающее положеніе, тѣмъ болѣе, что политическое могущество Рима невольно располагало древняго человѣка къ мысли о могуществѣ и боговъ этого государства. При томъ въ самомъ существѣ обрядовъ и религіозныхъ формъ, которыми по преимуществу характеризуются восточные культы, именно въ покаянно-очистительныхъ церемоніяхъ и въ обрядахъ мистерій, было не мало общаго съ тѣмъ, что существовало въ религіи римской. Очищенія, производившіяся земледѣльцами предъ началомъ полевыхъ работъ въ предѣлахъ своихъ владѣній¹⁾, очищенія, которыя совершали Луперки въ Февралѣ надъ народомъ, толпившимся у Палатина²⁾, своего рода мистеріи, существовавшія въ Римѣ въ честь Благой Богини, и раньше проникшіе въ Римъ иноземные культы могли служить вполне достаточнымъ посредствующимъ

¹⁾ Tibull. II, 1, 1 ss. съ коммент. Диссена.

²⁾ Varro De lingua lat. VI, 34.

звеномъ между государственною римскою религіею и проникавшими въ Римъ новыми восточными культами. Подъ дѣйствіемъ всѣхъ этихъ причинъ, религія Рима, съ теченіемъ времени сдѣлавшагося средоточіемъ всѣхъ вообще духовныхъ теченій въ тогдашнемъ мірѣ и — въ частности — религіознымъ центромъ его, больше и больше теряла свой національный характеръ и проникалась чуждыми элементами другихъ религій. Въмѣстѣ съ тѣмъ развивался религіозный индивидуализмъ и партикуляризмъ, укрѣплялось среди римлянъ стремленіе къ обособленности въ религіозныхъ дѣлахъ, къ почитанію тѣхъ или другихъ боговъ по личному выбору и — такъ сказать — по личному вкусу, а не согласно съ предписаніями предковъ или требованіями государства.

Восточные культы по преимуществу вносили перемѣны въ религіозныя представленія людей, склонныхъ къ вѣрѣ и желавшихъ вѣрить, но извѣрившихся въ отечественныхъ боговъ и удовлетвореніе указанной своей духовной потребности, въ нихъ несомнѣнно сильной, находившихъ въ иноземныхъ культахъ ¹⁾. Но рядомъ съ этими, стремившимися къ вѣрѣ, римлянами въ римскомъ населеніи было не мало людей, всѣ порывы и увлеченія религіознаго чувства контролировавшихъ требованіями философствующаго ума. Къ числу такихъ римлянъ относились не только тѣ, которые примыкали къ опредѣленнымъ философскимъ школамъ, но и тѣ, гораздо многочисленнѣйшіе, которые не держались одного какого-либо философскаго направленія, и однако прямо или косвенно были затронуты философскими теченіями ²⁾. Представленія о богахъ и сужденія о культѣ у этихъ римлянъ не остались согласными съ представленіями традиціонной вѣры. Измѣнились они именно подъ вліяніемъ философіи, которое еще въ періодъ республики было значительно, хотя и ограничивалось тогда кружками людей, получившихъ греческое философское образованіе, съ теченіемъ же времени больше и больше расширялось, углублялось и укрѣплялось. Въ первый вѣкъ имперіи философія начинаетъ дѣлаться руководительницею обра-

¹⁾ Срав. соображенія Chastel. Histoire de la destruction du paganisme dans l'empire d'Orient 1850, pag. 25—26, и Schultze. Geschichte des Untergangs des griechisch - römischen Heidentums. II (1892). 313—344.

²⁾ О римлянахъ послѣднiго тина говоритъ Friedländer, въ Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms III, 1871, S. 426 ff.

зованныхъ людей и даже отчасти простого народа, давая указанія, въ которыхъ чувствовалась нужда въ практической жизни, между прочимъ и по запросамъ религіозной мысли. Эти указанія были неодинаковы, по неодинаковости религіозно-философскихъ теченій въ Римѣ и по недостаточной иногда вѣрности самихъ представителей религіозно-философской мысли въ Римѣ разѣ избранному направленію.

Главнѣйшій и наиболѣе извѣстный по своимъ сохранившимся философскимъ сочиненіямъ представитель римской философіи времени имперіи — Сенека. Въ глубинѣ души своей убѣжденный противникъ традиціонной религіи въ обычныхъ ея формахъ у разныхъ народовъ, въ томъ числѣ и римскаго, Сенека не только самъ держался философскихъ взглядовъ на предметы вѣры, но и другихъ располагалъ къ такимъ же взглядамъ. Онъ велъ довольно рѣшительную борьбу не только съ приверженцами восточныхъ культовъ, овладѣвшихъ Римомъ, но и съ защитниками религіозныхъ преданій древняго Рима, предавая осмѣянію возведенныя римлянами въ сонмъ небожителей такія божества, какъ Клоацину и Ужасъ, и разъясняя, что Юпитеръ, представляемый съ тѣми свойствами, которыя придала ему мифологія, не заслуживаетъ названія бога. Обычныя внѣшнія выраженія культа онъ считалъ излишнимъ и недостойными боговъ. По его мнѣнію, воздѣвать напримѣръ руки къ небу или приближаться къ статуѣ божества съ молитвою, а равно и создавать самыя изображенія божествъ въ видѣ людей, животныхъ или какомъ-либо иномъ нѣтъ надобности, такъ какъ богъ находится возлѣ каждаго изъ насъ и каждый носитъ его въ самомъ себѣ ¹⁾. По той же причинѣ излишне и строить ему храмы изъ камней: достаточно создать жертвенникъ въ своемъ сердцѣ ²⁾. Не надобны и другія обычныя формы богопочтенія, которыми думаютъ люди списать благоволеніе боговъ и въ которыхъ воздаютъ имъ свое поклоненіе: истинный, дѣйствительно достойный боговъ культъ и единственное средство приобрести ихъ благосклонность заключается въ вѣрѣ въ нихъ и въ добродѣтельной жизни, въ

¹⁾ Senec. Epist. 41. non sunt ad coelum e levandae manus nec exorandus aedituus, ut nos ad aures simulacri, quasi magis exaudiri possimus, admittat. Epist. 11: prope est a te deus, tecum est, intus est.

²⁾ Senec. Fragm. 123.

частности — въ подражаніи божественному милосердію ¹⁾. Съ точки зрѣнія философа, при полной выдержанности ея, для человѣка просвѣщеннаго излишня и религія вообще въ ея общепринятыхъ формахъ, такъ какъ ему достаточно одной философіи, которая на все запросы его духа даетъ достаточный и единственно правильный отвѣтъ ²⁾. Правда, Сенека не остался вѣренъ этому основному, какъ кажется, своему воззрѣнію: его собственная философія, содержавшая столь много воззрѣній, неблагоприятныхъ для религіи, имѣла отчасти религіозный характеръ; мало того: онъ даже шелъ на уступки народной вѣрѣ, одинаково со многими ранѣе его жившими образованными римлянами. Но религіозный духъ, который вѣдетъ въ нѣкоторыхъ сужденіяхъ Сенеки, нужно, кажется, считать исключительно послѣдствіемъ религіозныхъ теченій времени, влияния которыхъ нельзя было совсѣмъ избѣгать современнику, притомъ державшемуся стоицизма, а совѣтъ Сенеки исполнять обряды отечественной религіи представляетъ фактъ совершенно однородный съ тѣмъ, который наблюдается въ образѣ дѣйствій Варрона, и какъ кажется, вызванъ желаніемъ сохранить традиціонное уваженіе къ закону, предписавшему эти обряды, хотя бы послѣдніе въ сущности не имѣли никакого смысла, и затѣмъ сознаніемъ пользы религіи въ жизни народной. Такимъ образомъ въ томъ и другомъ фактѣ можно усматривать лишь обычные у людей слѣды непослѣдовательности, подъ влияніями сторонними, каковыми въ данномъ случаѣ являются освященные временемъ преданія и соображенія государственной политики ³⁾.

У послѣдующихъ римскихъ писателей, тяготѣвшихъ къ стоицизму, также находимъ и защиту міеовъ, которые истолковывались аллегорически, напримѣръ, у Корнута, и доказательства пользы и необходимости въ признаніи народ-

¹⁾ Senec. Epist. 95: Primus est deorum cultus deos credere... Satis illos coluit quisquis imitatus est.

²⁾ Срав. Schmid, Essai. 363.

³⁾ Обстоятельное изложеніе нѣкоторыхъ сужденій Сенеки, какъ и другихъ писателей, сродныхъ съ нимъ по духу своихъ воззрѣній, можно читать на русс. языкѣ, кромѣ сочиненія Буассье, въ изданіи: Марта „Философы и поэты — моралисты во времена рим. имперіи“, Москва, 1879, представляющемъ впрочемъ по мѣстамъ весьма несовершенный переводъ подлинника.

ныхъ боговъ, мысль о которыхъ только и удерживаетъ нѣкоторыхъ людей отъ несправедливости и грѣха, какъ разсуждалъ Эпиктетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ у этихъ писателей также развивались возвышенныя религіозно-философскія идеи о томъ, что исполненіе обрядовыхъ церемоній не можетъ покрыть испорченности сердца, что внѣшнія формы культа нужно замѣнить богопочтеніемъ въ глубинѣ души, что молитвы, съ которыми обычно обращались римляне къ своимъ богамъ, должны были лишь оскорблять послѣднихъ, что расходы на общественный культъ, напримѣръ, изъ добычи, отнятой у непріятелей, свидѣтельствуютъ только о томъ, что люди смотрятъ на боговъ, какъ на людей, склонныхъ къ корысти, и такими недостойными представленіями унижаютъ и оскорбляютъ ихъ. Подобныя мысли выражать, напримѣръ, Персіи ¹⁾, сужденія котораго являлись, разумѣется, лишь отголоскомъ взглядовъ, державшихся въ извѣстной части римскаго образованнаго класса. Другіе писатели, примыкавшіе къ той же философской школѣ, довольно популярной въ образованномъ римскомъ мірѣ, проводили, между прочимъ, весьма плодотворную мысль о необходимости для человѣка совершенной преданности праведной волѣ Божіей, дѣйствующей въ мірѣ ²⁾, и объ обязательности для человѣка всегда считать себя находящимся какъ бы предъ лицомъ Божіимъ и не имѣющимъ никакой возможности укрыть что бы то ни было отъ Бога ³⁾. Подобныя взгляды, распространяясь въ кругу людей образованныхъ и соприкасавшихся съ ними людей изъ народа ⁴⁾, должны были нѣсколько очищать ходячія римскія представленія о бogaхъ и вообще прояснять религіозное сознаніе римлянъ.

Если мы окинемъ однимъ общимъ взглядомъ состояніе римской религіи въ разные періоды существованія римскаго государства, то увидимъ, что эта религія съ теченіемъ времени больше и больше осложнялась привнесеніемъ въ нее

1) Pers. Sat. 2.

2) Взглядъ Марка Аврелія.

3) Мысль выражаемая напримѣръ Эпиктетомъ.

4) Подобное проникновеніе философскихъ идей изъ высшихъ, вообще образованныхъ, классовъ въ низшіе всегда и у всѣхъ народовъ бывало; наблюдалось оно и въ Римѣ. Давъ, котораго выводитъ Гораций въ Sat. II, 7, былъ рабъ, и однако онъ являлся выразителемъ нѣкоторыхъ положеній стоиковъ.

новыхъ элементовъ, подвѣянiемъ религiй племенъ и народовъ, входившихъ въ соприкосновенiе съ Римомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ больше и больше теряла свой прежнiй характеръ, особенно подъ дѣйствиемъ философскихъ ученiй. Однако, новые элементы, внесенные въ римскую религiю, не придали ей значительной силы и не внесли въ нее настоящей жизни: это невозможно было по самому существу язычества. Указанные новые элементы, плодъ новыхъ условiй исторической жизни Рима, могли лишь продлить существованiе римскаго язычества при измѣнившемся положенiи. Въ общемъ же ходѣ исторической жизни человѣчества, разсматриваемыя съ точки зрѣнiя послѣднихъ цѣлей существованiя язычества, эти перемѣны въ содержанiи и характерѣ римской религiи должны были—частiю приводить римскiй мiръ къ чувству неудовлетворенности своей естественной религiей, составлявшей плодъ его естественныхъ силъ, частiю прояснять его религiозное сознанiе. Занесенное въ Римъ восточными религiями и поддержанное философiею воззрѣнiе, согласно которому божество едино ¹⁾, ученiе о безсмертiи, ученiе религiозной философiи о поклоненiи Богу духомъ, о благодати и правдѣ Божiей, вмѣстѣ съ общимъ возбужденiемъ религiозно-философской мысли, обращенной къ выясненiю недостаточности язычества, какъ религiозной системы, подготовляло римскiй языческiй мiръ къ принятiю Богооткровеннаго ученiя, даннаго мiру Христомъ Спасителемъ.

Александръ Садовъ.

¹⁾ Подробныя указанiя у Marquardt I. с., 86--87. Однако срав. Буассье Паденiе язычества, перев. подъ редак. Корелина, 1892, стр. 390—391.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки